

naștere națională are o conotație liberală, pentru că UE înseamnă (și) libera circulație a oamenilor, a capitalului și a mărfurilor. Iar în ceea ce privește aberanta blocare a frontierei de pe Prut, există un dicton (tot) liberal: „Unde granițele nu sunt traversate de mărfuri, trec soldații.” Mihai Eminescu zicea: „Săracă țară bogată” și dezbinată,

aș adăuga. Cu toate că mulți nu-și doresc unirea, având frica provincialului, a marginalizatului: „Mai bine frunțaș la sat, decât codaș la oraș”, se pare că în sfârșit a apărut o nouă generație de „golani”. Și dacă nu se ajunge la vlădică, măcar să se ajungă la opincă: suntem români și punctum!

ИСТОРИЧЕСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В СФАТУЛ ЦЭРИЙ: СУДЬБА ОДНОГО ИЗ ВОЗДЕРЖАВШИХСЯ

*Дину УРСУ,
профессор Одесского университета*

С большим опозданием и совершенно случайно попал мне в руки журнал «БиблиоПолис», издаваемый в Кишиневе Муниципальной библиотекой им. Б.П. Хашдеу (№ 1 за 2008 год). Журнал долго лежал нераскрытым, так как прежде я не интересовался библиотековедением и издательским делом. Вообще я книги люблю и собираю, библиотеки посещаю регулярно вот уже 60 лет, но внимание мое было чисто потребительским, только как читателя или, говоря языком пользователей Интернета, как «юзера». Единственный раз я прикоснулся к библиотечной жизни изнутри, когда писал очерк «В библиотеках России, Украины, Франции и других стран», опубликованный в качестве послесловия к переводу книги Элизабет Кинг «How to use a library» (Челябинск: Урал, 1997). Так что к скромному по виду кишиневскому журналу я долго не притрагивался, пока, будучи на даче, не перечитал все взятые с собой книги и журналы.

Открыв «БиблиоПолис» и прочитав сначала оглавление, а затем редакционную статью о цивилизации знаний, я его уже из рук не выпускал. Пробежал все статьи и заметки подряд, вернулся назад и некоторые из них проштудиро-

вал повторно. Они этого заслуживали: передо мною лежала маленькая энциклопедия по библиографии, библиотековедению и книжному делу. Ее богатое и разнообразное по тематике содержание было рассчитано не только на профессионалов, но и на широкий круг читателей. Симпатичная черта этого журнала – привлечение молодых авторов – студентов и аспирантов.

Мое особое внимание привлекли статьи, очерки, заметки Влада Похилэ – глубокие и свежие по разработке, разнообразные по жанру, но одинаково блистательные по стилю. Мастерское владение румынским языком просто восхищает читателя. Я не буду перечислять эти маленькие, а иногда и довольно пространственные, литературные шедевры, чтобы далеко не уклоняться от избранной темы. Скажу только, что был просто очарован портретной зарисовкой одного из сотрудников Муниципальной библиотеки по имени Валентина Турвиненко. Даже не имея нужды заходить в этот зал из-за незнания немецкого языка, хочется сюда заглянуть только ради удовольствия познакомиться с таким прекрасным человеком и высококлассным специалистом.

Меня, как историка, занимающегося новейшим периодом всемирной истории, заинтересовала статья доктора Михая Ташкэ и обобщающий комментарий к ней Влада Похилэ. Сознаю: до недавних пор я мало знал о прошлом своей родины – Бессарабии, так как всю жизнь занимался экзотическими темами: викторианской Англией, историографией Тропической Африки, культурой крымских татар. Короче говоря, сюжетами, бесконечно далекими от статьи доктора М. Ташкэ о работе национального парламента с приложением списка его членов, голосовавших 27 марта 1918 года за воссоединение с Румынией. Этот материал был для меня новым, неизвестным.

Историческое значение акта 27 марта 1918 г. кратко, но выразительно подытожил Влад Похилэ в заголовке своего текста: «То, что не забудется ни через 90, ни через 100 лет». Я бы добавил: не забудется никогда. Здесь читаем мы глубокие и справедливые слова об оккупации Бессарабии большевистской Россией и об ее превращении в колониальную зону ассимиляции и эксплуатации. В последнем абзаце статья я обратил внимание на слова об уничтожении «советскими товарищами» всех попавших им в руки членов Сфатул Цэрий, в том числе и воздержавшихся при голосовании 27 марта. Прочитав эти слова, я вспомнил, что в местном архиве встречал упоминания об одном репрессированном в 1937 году члене Сфатул Цэрий, но не запомнил его имени.

Я нашёл тетрадь с архивными выписками и в ней обнаружил документ с именем бывшего члена Сфатул Цэрий Криворукова. Поскольку в этом деле находились бумаги на исключение из партии, я поначалу решил, что его тоже собрались наказать за голосование 27 марта в пользу воссоединения Бессарабии с Румынией.¹ Сразу же обратился к списку, приводимому в статье доктора

М. Ташкэ, но там такой фамилии не оказалось. Тогда я решил: надо найти подлинный протокол этого заседания парламента и узнать, что же на самом деле сказал Криворуков и как он голосовал. К счастью, у меня имелся румынский журнал с этим любопытным материалом. Вот что дословно говорил Криворуков: «Имея в виду серьезность момента, когда Сфатул Цэрий под давлением безответственной политики небольшой группы призван совершить акт большого исторического значения и признавая, что Сфатул Цэрий не уполномочен на это народом республики, я, как представитель рабочего класса, считаю своим долгом заявить, что рабочий класс отклоняет ответственность за акт, который совершается за его спиной и отказывается брать участие в голосовании».²

Теперь мне стало ясно, что при голосовании вопроса о воссоединении депутат Криворуков **воздержался**. За что же тогда, спустя 18 лет, одесские коммунисты готовились его наказать? Я снова углубился в изучение архивных дел и обнаружил весьма любопытные и поучительные факты о судьбе членов национального парламента, очутившихся после воссоединения на советской территории. Их имена известны из исторической литературы – И.Н. Криворуков, Г.И. Бучушкан, В.В. Цыганко.

Чаще всего в документах мелькает первый из названных: Криворукову посвящены две большие архивные папки. Одна – из 18 листов, другая – из 275 листов. Его личное дело содержит автобиографии (1925 г. и 1931 г.), объяснительные записки, всевозможные анкеты, заявления, письма и т.п. Перед моими глазами предстала полная приключений жизнь человека незаурядного, но не имевшего твердого нравственного стержня, поверившего в большевистскую утопию и сгоревшего в пламени сталинской контрреволюции

1937 года. Особенности его биографии – отсутствие образования (окончил всего три класса, бедность, ранняя работа по найму, затем служба на Черноморском флоте и многолетняя каторга) – наложили неизгладимый отпечаток на его характер и весь жизненный уклад. Вышедшие из-под пера Криворукова тексты настолько своеобразны по стилю, что отдают пародией на бессвязно-революционную речь героев романа Андрея Платонова «Чевенгур». Кроме литературных достоинств, его автобиографии и анкеты полны хвастовства, самовосхваления, откровенной лжи, пестрят разными фантастическими подробностями. Так, когда шло голосование 27 марта, то парламент, по его словам, был окружен румынскими войсками, а на здание направлены дула артиллерийских орудий, сверху же реяли самолеты. После его выступления на заседании Сфатул Цэрий прапорщик Цанцу выхватил револьвер и хотел его застрелить в глазах у всех.³ В другой, более ранней автобиографии, он живописует, как в октябре 1918 года, после прибытия в Одессу, занятую немецкими войсками, он организовал целый полк из бессарабцев в количестве 900 человек, а после прихода красных в 1919 году организовал второй бессарабский полк.⁴ Короче, полная хлестаковщина.

Криворуков приписал себе партийный стаж (об этом я скажу дальше), в анкетах стал писать, что имеет среднее образование, а по национальности – коренной молдаванин, хотя прежде честно признавался «русский». Также лживо он отвечал на вопрос анкеты о родном языке – сначала написал «русский», затем зачеркнул и дописал сбоку «и молдавский». Вместе с тем нельзя не признать, что в архивных документах Криворукова содержится обильная фактическая информация о событиях 1918-1940 годов в Бессарабии, мало или вовсе не известная историкам.

Меньше в одесских архивах материалов о двух других членах Сфатул Цэрий, бежавших за Днестр, – о Бучушкане и Цыганко. О первом в партийной анкете 1924 года кратко сказано: «Бучушкан Гаврил, крестьянин, партстаж с 1919 года, работает в Укрвинделуправлении, секретарь контрольной комиссии».⁵ Вскоре, после организации Молдавской автономной республики, он войдет в состав правительства и станет народным комиссаром просвещения. Об уровне работы парламентатора, возглавляемого бывшим крестьянином, красноречиво говорит такой факт: в его штате, из 35 человек, молдаван было 5, евреев 15, остальные – украинцы и русские.⁶ Вот такие «просветители» народа. В сентябре 1928 г. Бучушкан был обвинен в «румынском национализме», снят с поста наркома и послан в столицу Украины (Харьков, позже Киев) постоянным представителем Молдавской автономной республики.

О Цыганко можно сказать еще меньше. В деле Криворукова имеется письмо Цыганко, в котором, среди прочего, он признается в том, что всегда был эсером и что якобы именно он подготовил Хотинское «восстание» 1919 г. Имеются сведения о том, что в 1936 г. Цыганко исчез из Одессы, бежал то ли в Восточную Сибирь, то ли в Ленинград.⁷

Чтобы лучше понять ход дальнейших размышлений о судьбе члена Сфатул Цэрий, воздержавшегося при голосовании исторической резолюции 27 марта, следует вкратце остановиться на политической обстановке в Одессе в те годы. Начиная с 1919 года, Одесса становится центром подрывной антирумынской деятельности. Здесь собралось большое число политэмигрантов из левых, просоветских групп и партий разных стран Восточной Европы. Одесские большевики их объединяют в интернациональные клубы – настоящие рассадники (инкубаторы) для подготов-

ки шпионов и диверсантов.⁸ Их главная задача – свержение законных органов власти, восстание, экспорт большевистской революции. Причем Бессарабия и Добруджа рассматриваются в качестве авангарда мировой революции. Вот рассуждения одного из заправил: «Для дальнейшего хода Всемирной Революции (с большой буквы. – Д.У.) Балканский полуостров, в частности, Бессарабия и Добруджа, как по своему географическому положению, так и по политическим причинам <...> будут играть первенствующую роль в деле дальнейшего хода Всемирной Революции». Для этого, продолжает оратор, нужно вести революционную пропаганду и в нужный момент поднять восстание. Это – во-первых. Во-вторых, подготовить интернациональные воинские части и в подходящий момент перейти румынскую границу и поднять там знамя «политической социальной революции».⁹ Пока же эмигранты просят 500 тыс. рублей, из них 200 тыс. в иностранной валюте, для содержания трех парусно-моторных шхун с экипажем в 12 чел.

Устремленность на «экспорт революции» в Румынию и Польшу, составивших санитарный кордон в Восточной Европе, поддерживают руководители Советской Украины М. Фрунзе и Д. Мануильский. Выступая в Одесском горсовете (1923 г.) они гневно клеймили «угнетение национальных меньшинств, проводящееся правительствами Польши и Румынии в Бессарабии, Белоруссии и Галиции». Свои речи закончили призывом «Да здравствует Мировая Революция!».¹⁰ Вскоре одесских большевиков предупреждают из Москвы о «предстоящей концентрации в Одессе большого количества политэмигрантов для переброски на работу за границу».¹¹ С 1918 г. в Одессе в глубокой тайне действовал передаточный пункт Заграничного отдела (Закордот) ЦК

Компартии Украины.¹² Приведем, в заключение, общие цифры о подрывной антирумынской деятельности: только за первые пять лет после воссоединения в Бессарабии было раскрыто 118 шпионско-диверсионных групп и ячеек и арестовано три тысячи их участников.¹³

Неудивительно, что в такой обстановке, когда было организовано «Общество бессарабцев», Криворуков, Бучушкан и Цыганко вступили в него первыми и стали здесь играть главные роли. Еще раньше Криворуков был в течение восьми месяцев председателем Чека в Тирасполе, одновременно руководя Приднестровской группой секретной агентуры. Хорошо понятно, какими грязными делами он занимался. Потом стал, уже в Одессе, секретарем Общества взаимопомощи политических эмигрантов и членом бюро молдавской секции губкома партии.¹⁴ Бывшие депутаты национального парламента Бессарабии теперь активно и регулярно выступали на всех антирумынских мероприятиях большевиков – митингах, собраниях, встречах, в печати. Криворуков даже наловчился написать целую фальсификаторскую «историческую» книгу «На рубежах отторгнутой земли» (Одесса, 1928). А Цыганко на одном митинге в Одессе проговорился о своих дружеских связях с... Муссолини. Когда в 1919 г. его, Цыганко, московские большевики послали в Париж протестовать от имени «трудового народа Бессарабии против оккупации» на Версальской мирной конференции, то во Францию он попал через Италию, где получить визы ему помогал лично вождь фашистов.¹⁵

Когда в конце 1924 г. объявили о создании Молдавской автономной республики, членами ревкома, а затем и народными комиссарами стали Бучушкан (просвещения) и Криворуков (земледелия).¹⁶ Земельными делами должен был заниматься человек, ни одного дня не

проработавшего в селе; как помнится, он был столяром по профессии, а в 1917 г. в Кишиневе возглавлял профсоюз пекарей, но вряд ли сам инспек хоть одну булочку. Естественно, что с работой комиссара он не справился, и в мае 1926 г. Криворуков вернулся в Одессу в хорошо ему знакомый трест виноградарских и винодельческих совхозов.

Тут, в Одессе, осенью 1936 года и настиг его удар, от которого он не оправился. Вернусь к началу этой статьи и напомню, что еще в мае этого года первому секретарю обкома партии Вегеру (спустя год его расстреляют как «матерого троцкиста») пришла совершенно секретная депеша. В ней начальник местного НКВД сообщает, что «по нашим данным» директор Укрсадовинтреста и член партии с 1902 года Криворуков Иван Николаевич совсем не тот человек, за которого себя выдает. Я не могу цитировать весь этот обширный документ и два протокола допроса, к нему приложенные; кратко изложу суть: Криворуков приписал себе членство в партии, даже в 1918 г. он к большевикам не примыкал и действовал вопреки их указаниям: большевики выборы в Сфатул Цэрий бойкотировали, а Криворуков пошел в депутаты. Подозрительно и то, что он остался в живых, а иных депутатов румыны будто бы убили – его единственного переправили за Днестр. В доносе были и другие обвинения, впоследствии оказавшиеся вздорными, однако механизм компрометации был запущен. Так возникло «дело Криворукова», сохранившееся в архиве парткомиссии в пухлой папке на 275 листах. Закончилось оно в ноябре того же года вынесением выговора с занесением в учетную карточку.

С этого момента имя Криворукова исчезает из одесских документов, как хранившихся в партийном хранилище, так и тех, что находились на государственном хранении. Наступил зловещий

1937 год и скорей всего о судьбе Криворукова надо спросить архив НКВД. Однако здесь выдают исследователям дела лишь на **реабилитированных**, поэтому его имени нет и в опубликованной 4-томной книге «Одесский мартиролог». Нет здесь и имен Цыганко и Бучушкана. Криворуков и Бучушкан могли проходить по групповому делу руководителей Молдавской автономной республики, казненных в Тирасполе в 1937 году.

Что же касается «Одесского мартиролога», то в его первых двух томах перечислены фамилии 34 тысяч репрессированных по Одесской области, которые впоследствии были реабилитированы. Не надо быть большим знатоком ономастики (раздел языкознания, изучающий собственные имена), чтобы определить, что главными жертвами «большого террора» были украинцы, евреи и русские. Немало также фамилий болгарских и молдавских (румынских).

Поговорим немного о последних, помня, что главная масса людей этой национальности прежде проживала на севере Одесской области, а затем отошла к Молдавской автономной республике. Никогда не думал, что самой распространенной фамилией одесских молдаван была Цуркан. Я насчитал среди репрессированных 47 человек с этой фамилией, из них 15 были расстреляны, девять получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей, несколько – по 25 лет. Затем идут четыре Драгана – все расстреляны, три Дука – по 10 лет лагерей, три Мунтян – расстреляны, шесть Кожухарь – расстреляны, три Корня, в том числе женщина, – расстреляны, еще один получил 10 лет, три Руссо – расстрел, еще две женщины получили по 10 лет. Одобеску Сергей расстрелян, Одобеску Калин – 10 лет, Арабаджи Демьян и Мария – оба расстреляны. И так далее. Сталинские изверги не пожалели даже однофамильцев героев гражданской войны: presta-

рельный Лазо Ефим Иванович получил 10 лет лагерей, а трое людей по фамилии Фрунзе осуждены на 4, 8 и 10 лет лагерей. В конце списка: Урсатий Авксентий – расстрел, Урсул Степан – расстрел, Урсуленко Семен – расстрел.

Общее количество репрессированных «националов» в 1937-1938 годах по Одесской области приведено в статье двух украинских историков,¹⁷ имевших возможность работать в Центральном архиве Службы безопасности Украины в Киеве. Это были поляки (больше всего), немцы, латыши, евреи, болгары, корейцы, китайцы, венгры. Всего было осуждено 2 435 чел., из них по 1-ой категории (расстрел) 1 686. По «румынской операции» (выражение чекистов) было расстреляно 350 чел. и 225 чел. брошено в лагеря. Дополнительно к маю 1938 г. было осуждено еще 221 чел.

Это было целенаправленное истребление лиц румынской (молдавской) национальности, проявивших чем-нибудь свою нелояльность или оппозиционность к советскому режиму. Были уничтожены и верно ему служившие, наподобие Криворукова и Бучушкану. И что удивительно: даже этот кровавый террор и многолетняя клеветническая антирумынская пропаганда не смогли заставить людей замолчать. Самые смелые вслух признавали, что в годы румынской власти в Бессарабии им жилось лучше, чем при коммунистах. Так, в декабре 1937 г. в Тирасполе был расстрелян М.В. Андрусенко, уроженец Измаила, который в 1935 г. писал ходатайство генконсулу Румынии в Москве о выезде на жительство в Бессарабию. Ему это вскоре припомнили и жестоко наказали. В обвинении сказано: «Проводил активную антисоветскую агитацию, клеветал на Советский Союз, восхваляя жизнь в Бессарабии».¹⁸

Еще более удивительная история произошла с однофамильцем предыдущего, уроженцем Одессы, тоже украин-

цем по национальности. Рядовой минометной роты Сергей Андрусенко в июне 1944 г. был осужден к 10 годам лагерей за рассказы сослуживцам о том, что в Одессе при румынской оккупации ему жилось легче, чем теперь в Красной Армии. Вот его подлинные слова: «Здесь кормят кукурузой, сухарями, лучше бы Сталин сам ел эти сухари». Вполне вероятно, что именно этого украинского парня встретил в лагере Солженицын и изобразил его в повести «Один день Ивана Денисовича» как «настоящего румынского шпиона». Даже после войны правда противостояла лживой пропаганде. Так, в 1950 г. жители Измаила, русский В. Бочаров и грек К. Андреев, получили по 5 лет тюремного заключения за то, что, по словам приговора «восхваляли жизнь населения Бессарабии при власти румынских бояр».¹⁹

Примечания

¹ Одесский областной государственный архив (далее сокращенно ООГА), ф. П-14, оп. 3, д. 60, л. 184.

² *Procesul-verbal al ședinței Sfatului Țării din 27 martie 1918* // „Familia română” – 2008. – № 1 (28). – P. 13.

³ ООГА, ф. П-14, оп. 4, д. 3155, л. 129.

⁴ ООГА, ф. П-7, оп. 2/1, д. 1593, л. 9.

⁵ ООГА, ф. П-3, оп. 1, д. 1239, л. 56.

⁶ ООГА, ф. П-7, оп. 1, д. 924, л. 10.

⁷ ООГА, ф. П-14, оп. 4, д. 3155, л. 35; л. 44.

⁸ ООГА, ф. Р-134, оп. 1, д. 1434, 1445 и др.; ф. Р-969, оп. 1, д. 216; ф. Р-969, оп. 3, д. 451.

⁹ ООГА, ф. Р-99, оп. 1, д. 8а, л. 1-2, 97-98.

¹⁰ ООГА, ф. Р-1234, оп. 1, д. 3, л. 57-66.

¹¹ ООГА, ф. П-3, оп. 1, д. 884, л. 56.

¹² ООГА, ф. П-11, оп. 1, д. 1681, л. 21.

¹³ *Aspects des relations russo-roumaines: Retrospectives et orientations*. Paris, 1967. P. 120.

¹⁴ ООГА, ф. П-7, оп. 1, д. 924, л. 2; ф. П-7, оп. 2/1, д. 1593, л. 9; ф. П-3, оп. 1, д. 884, л. 1; д. 1239, л. 3.

¹⁵ *Известия Одесского окружкома*, 15.03.1927.

¹⁶ ООГА, ф. Р-99, оп. 4, д. 169, л. 22.

¹⁷ Бажан О., Лошицкий О. *Апогей «Великого террора» по Одещині // Юго-Запад*. Одессика: Историко-краеведческий научный альманах. – Одесса, 2007. Вып. 3. С. 171-173.

¹⁸ *Одесский мартиролог*. Одесса, 1999. Т. 2, с. 617-619.

¹⁹ Там же. С. 691-692; с. 648-652.